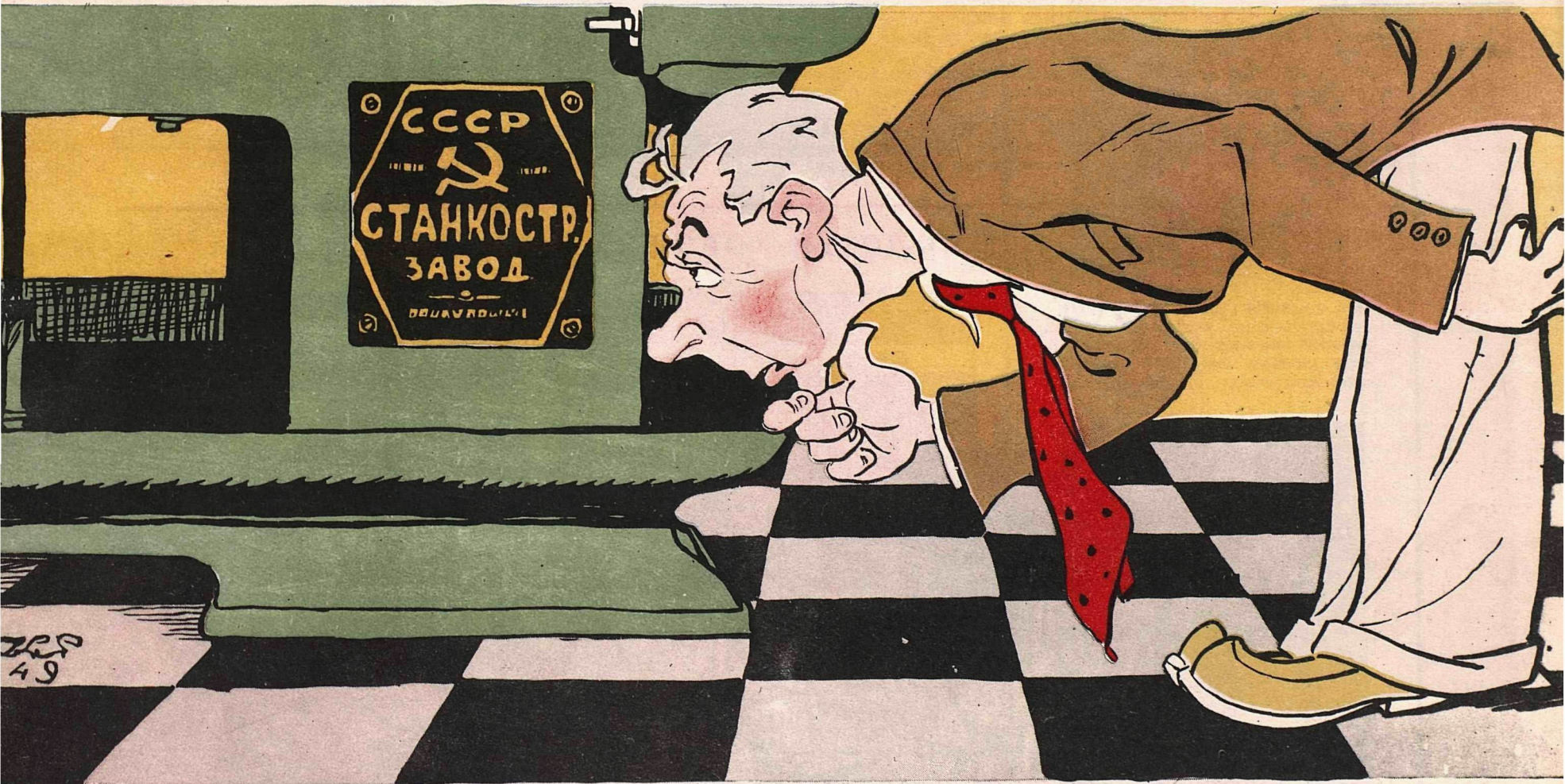

— Какой прекрасный станок! Преклоняюсь перед американской техникой!..

...И преклонился.

Рис. К. ЕЛИСЕЕВА

КРОКОДИЛ

№ 16 МОСКВА 10 ИЮНЯ 1949

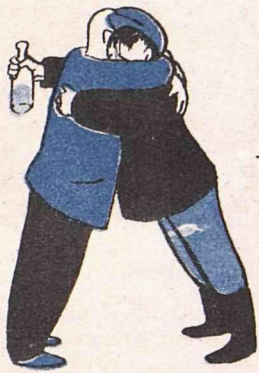
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

ГОД ИЗДАНИЯ ХХVIII

ЦЕНА НОМЕРА — 1 р. 20 к.

Еще кланемся...

Председателю сельхозартели имени Калинина
Ф. П. БОНДАРЧУКУ
Ново-Минский район, Краснодарского края

Гражданин Бондарчук!

Во первых строках просим нас глубоко извинить за то, что по не зависящим от нас причинам не успели послать поклон по старому Вашему адресу — в село Широ-чанку, Ейского района, где Вы ранее изволили пребывать в должности председателя колхоза «Вторая большевистская весна».

Виноваты в этом не мы, а члены упомянутого колхоза. Они, действуя по пословице «Худую траву с поля вон», поспешили избавить Вас от руководства колхозом.

Отказавшись после этого от должности бригадира, предложенной Вам сельхозартели «Первая пятилетка», считая эту должность ниже своего достоинства, Вы долго слонялись, ничего не делая, и искали, «где оскорблённому есть чувству уголок».

Уголок этот отыскался в душе бывшего секретаря Ейского райкома ВКП(б), а ныне секретаря Ново-Минского райкома тов. Чупрынина.

«Ну, как не порадеть родному человечку!» — подумал тов. Чупрынин, узнав, что его приятель Бондарчук в беде.

И порадел. Он рекомендовал Вас председателем колхоза имени Калинина во вверенном ему Ейском районе.

«Карету мне, карету!» — воскликнули Вы.

А когда карета была подана, Вы, то ли второпях, то ли по причине пьяного состояния, в каком пребываете чаще, чем в трезвом, — Вы вместо своей жены посадили в карету молодуху Анну Клименко и отбыли в Ново-Минский район, на новое место жительства...

Узнав, что «щучу бросили в реку», широчанские колхозники сначала удивились, а потом возмутились и попросили нас передать этот поклон Вам, а заодно и Вашему покровителю.

Они предполагают, что, рекомендуя Вас калининцам, тов. Чупрынин не сообщил кое-какие, достойные внимания детали из характеристики Вашей прежней деятельности. А именно: за два го-

да по Вашей вине в колхозе «Вторая большевистская весна» пало и прирезано 449 голов крупного и мелкого рогатого скота, 33 лошади, 124 свиньи; не выполнены госпоставки, разбазарены семена. Они утверждают, что под Вашим «руководством» вместо хлеба на полях колхоза росли преимущественно сорняки.

Ни Вы, ни тов. Чупрынин не сочли, видимо, удобным познакомиться калининцев с протоколом собрания колхозников артели «Вторая большевистская весна» от 13 августа прошлого года.

Охотно восполняем этот пробел и во всеуслышание объявляем следующие мотивы, послужившие причиной отстранения Вас от работы:

- а) нарушение Устава сельхозартели;
- б) развал трудовой дисциплины в колхозе;
- в) разбазаривание и падёж скота;
- г) систематическое невыполнение государственных поставок;
- д) морально-бытовое разложение (постоянное пьянство)...

Для милого дружка и серёжка из ушка — по такому «принципу» поступил тов. Чупрынин, вместо того чтобы такого «дружка» как Вы, за ушко да на солнышко!

Вот и получается, что не имей сто рублей, а имей одного приятеля, который личную дружбу ставит выше общественных интересов.

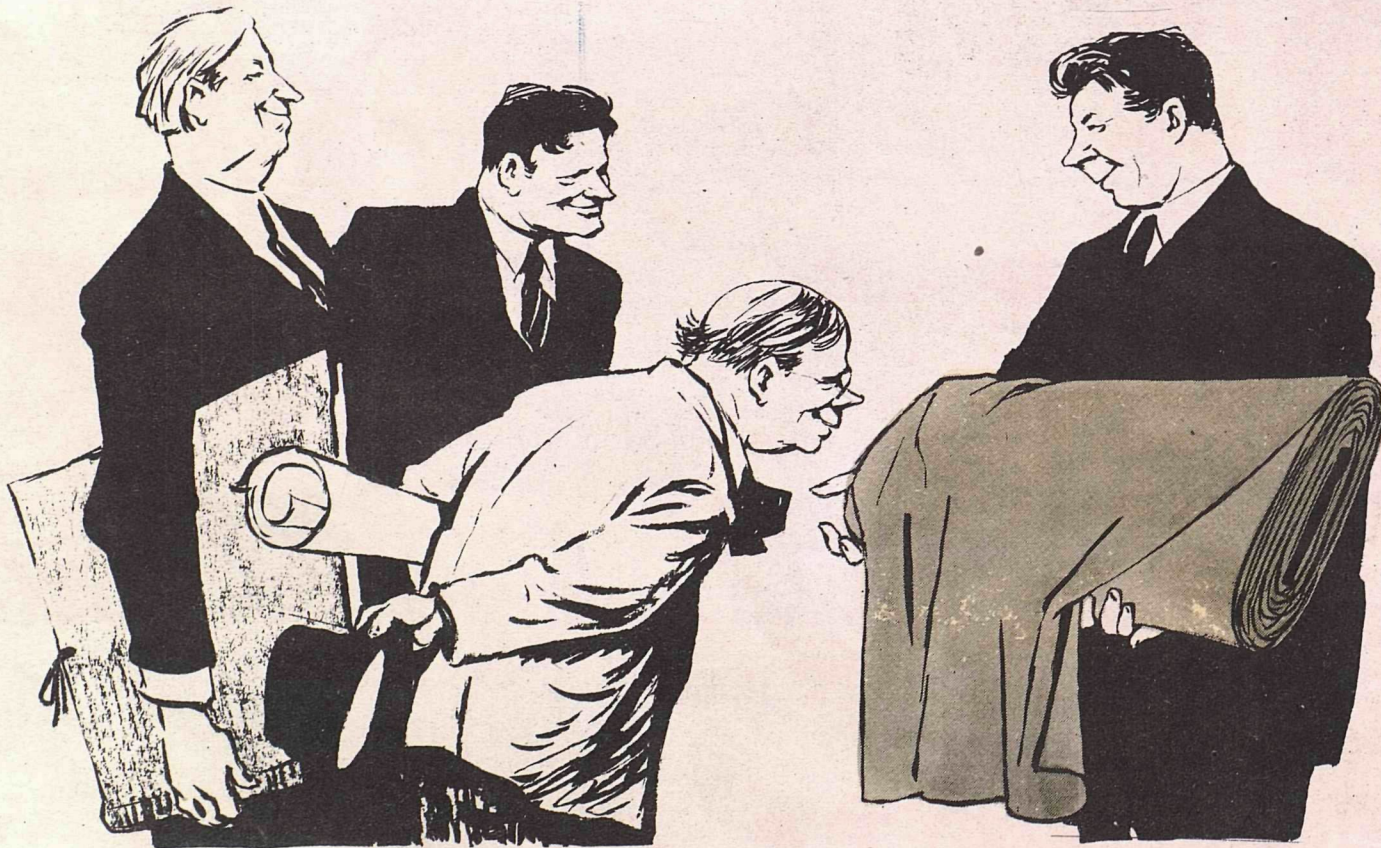
Вот и всё. А за сим кланемся и остаёмся в надежде, что ни Вы, гражданин Бондарчук, ни Ваш друг в карете приятельства далеко не уедете.

Примите и проч.

Крокодил

БОЛЬШЕ ПОЛОТЕН ХОРОШИХ И РАЗНЫХ!

Рис. В. КОНОВАЛОВА

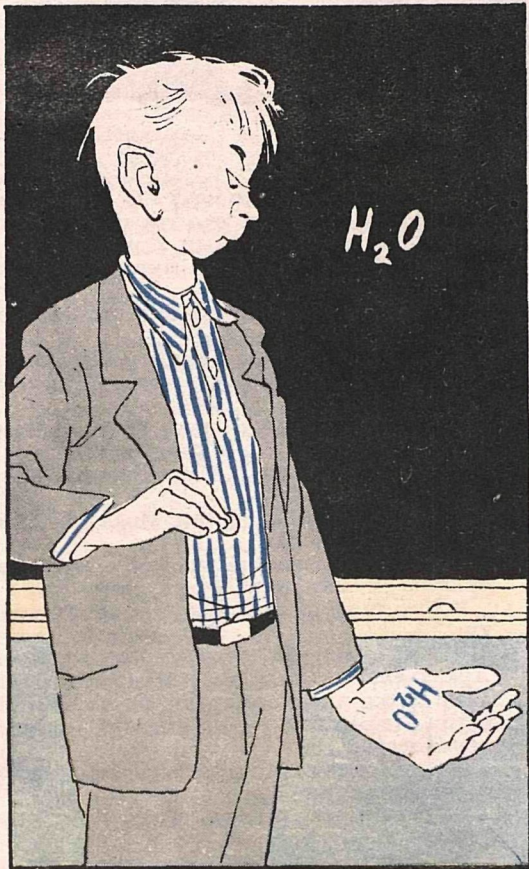

АЛЕКСАНДР ЧУТКИХ: — Товарищи художники, мы создаём полотно всё лучшего и лучшего качества! Чего и вам желаем!

СПОСОБЫ РАЗНЫЕ, А РЕЗУЛЬТАТ ОДИН

Восьмиклассник Ваня Иванов пытался сдавать экзамены по способу:

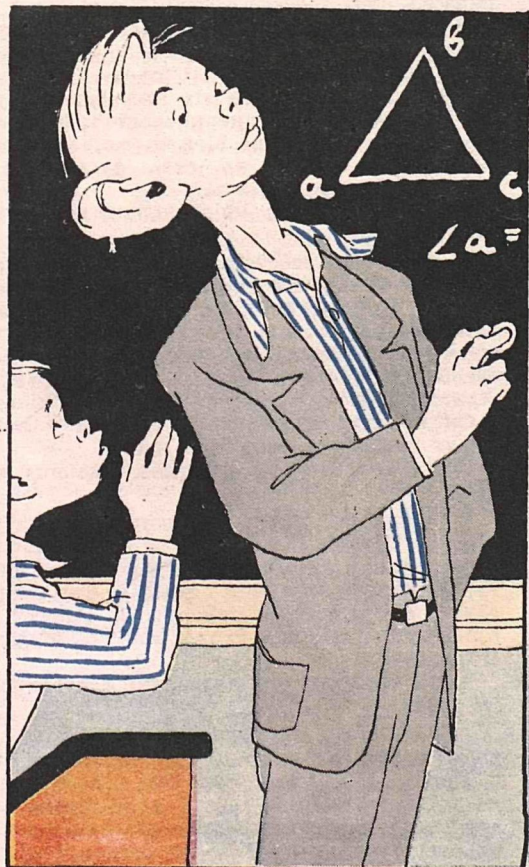
Рис. Г. ВАЛЬКА

Рукописи.

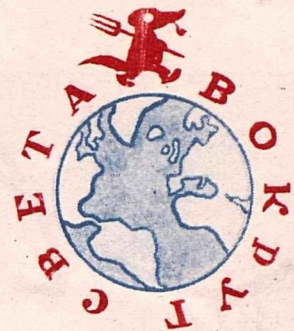
Тайнописи.

Звукописи.

И всё это кончилось клинописью.

ФОТОГЕНИЧНЫЕ ПРИЗРАКИ

Шарлатанство всех родов и видов процветает в современной Англии. Тысячи гадалок, хиромантов, астрологов, медиумов ежедневно рекламируют свои способности на страницах не только консервативных, но и лейбористских газет. В особенном почёте в лейбористской Англии «охотники за привидениями». К их бесчисленным «подвигам» недавно прибавилось ещё два: впервые в истории «удалось» заснять на фотоплёнку два призрака.

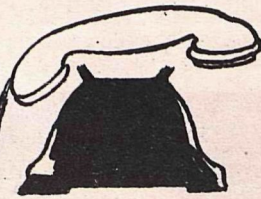

Один из них — дух покойного английского писателя Артура Конан-Дойля, с которым интимно беседует во время очередного «сеанса» известная английская шарлатанка-медиум.

Другой — призрак «смуглой леди», который в течение поколений беспокоит обитателей замка Райнгам. Снимок, по утверждению печати, был сделан во время грозы, с выдержкой в $\frac{1}{15}$ секунды. На нём видно поднимающееся по лестнице белое «привидение» — эффект, которого может достичь даже начинающий фотолюбитель.

Манечка

МОЖЕТ быть, вам покажется странным то, что я расскажу. И даже мелким. Но ведь вы писатель, инженер человеческих душ, вы должны понять меня!..

Я работаю в одном учреждении технического секретарём. Подчинена я непосредственно нашему директору. В общем я секретарша как таковая!

Почему-то на сцене да и в литературе, в особенности в юмористической, нас, секретарш, принято изображать тупыми, комичными, малопривлекательными созданиями.

Если верить авторам таких пьесок и рассказов, мы только тем и занимаемся, что непрерывно пудрим нос и грубим посетителей. Да ещё пиццим в телефон: «Он занят! У него совещание!», «Приходите завтра!», «Звоните позже!»

Не обижайтесь, но всё это невыносимая и грубая неправда.

Мы совсем другие. Даже «отрицательные» секретарши, злые бюрократки и холодные чинущи непохожи в жизни на этих придуманных, размалёванных, говорящих кукол!..

Впрочем, я отвлеклась, извините... Я буду говорить только о себе.

Итак, я технический секретарь учреждения. В мои обязанности входит: вести все хозяйственные дела, разбирать почту, принимать посетителей и направлять их куда надо, отвечать на телефонные звонки, прикладывать печать на разные справки и удостоверения, и так далее, и тому подобное. В общем работы пропасть!..

Но мой начальник — его зовут Иван Максимович — считает, что самая главная, самая священная моя обязанность — это обслуживать его персону. С его точки зрения, я не государственный служащий, такой же, как и он, а нечто вроде его личной, домашней работницы повышенного качества. То обстоятельство, что я нахожусь в штате учреждения и получаю зарплату от государства, Ивана Максимовича ничуть не смущает. Наоборот, его это очень устраивает!.. Иван Максимович искренно убеждён в том, что в рамках нашего учреждения государство — это он.

При всём этом работник он дельный и даже человек неплохой, только очень уж какой-то такой... толстокожий.

Он не понимает самых простых вещей. Например, он почему-то называет меня Манечкой: «Манечка, папирос!..», «Манечка, чаю!..», «Манечка, ко мне — никого!..».

Ей богу, мне нетрудно купить ему папирос или дать чаю, но какая же я ему «Манечка»?! Мне под тридцать, у меня дочь большая, да и сам он всего лишь года на три старше меня!..

Я сижу у самых дверей его кабинета, двери тонкие, и я слышу все разговоры, которые Иван Максимович ведёт с посетителями.

Человек он темпераментный и к тому же плохо воспитанный, в разговоре стесняться не привык. Иногда — на полном добродушии — он промком отпускает словечки, которые не услышишь и на улице. Посетители, ожидающие очереди на приём, переглядываются, криво улыбаются, смотрят на меня. А я сижу за своим столиком и делаю вид, что ничего не слышу. Но пальцы у меня дрожат, уши пылают и сердце бьётся часто-часто...

Как хочется мне тогда подняться, открыть дверь в кабинет и при всех отчитать сквернословя!

Как-то директор одного нашего предприятия — я сама это слышала — сказал ему:

— Ваня, ты бы... того... поосторожнее на поворотах. Ведь секретарша твоя всё слышит. Женщина же, неудобно!..

Он захохотал:

— Врач — не мужчина, секретарша — не женщина, — и бодро завопил своим приятным, рокошущим баритоном: — Манечка, нарзанчику нам!..

Другой раз он позвал меня. Я вошла в кабинет и увидела его в нижней сорочке и в подтяжках. И бухгалтер наш здесь же сидит.

Я смутилась и хотела уйти.

А он, продолжая что-то с жаром доказывать бухгалтеру, издали бросил мне на руки свой китель и крикнул:

— Манечка, пуговочку!..

И, однако, доконали меня не пуговочки, не нарзанчики, не милые словечки, а доконала меня супруга Ивана Максимовича Раиса Аркадьевна.

Ну, хорошо, предположим, я как технический секретарь обязана обслуживать персону своего начальника. Но почему же я должна обслуживать его жену?..

Раиса Аркадьевна нигде не работает (впрочем, это — её дело, только я лично и двух дней не могла бы просидеть без работы), томится от безделья, толстеет и скучает. Она придумала себе не меньше дюжины всяких болезней и, чтобы как-нибудь убить время (детей у неё нет), лечится у гомеопатов и алопатов, в поликлиниках и институтах, тибетскими травами и внушением, растираниями и «психической гимнастикой».

Мотаться от врача к врачу, глотать все эти порошки и пилюли, пить травяные настои и делать таинственную «психическую гимнастику» — занятие довольно утомительное, и бедная Раиса Аркадьевна действительно испортила себе здоровье. Гоняясь за исцелением от своих мнимых недугов, она стала нервной, раздражительной, плаксивой.

И знаете, что меня удивляет? Почему никто из врачей не скажет ей попросту: «Я вам, магушка, пропишу хороший, напряжённый восьмичасовой рабочий день — и все ваши болячки как рукой снимет»?

Раиса Аркадьевна донимала меня телефонными звонками. Только, бывало, займёшься каким-нибудь срочным делом, вдруг — звонок. Снимаешь трубку и слышишь её томный, «больной», плаксивый голос:

— Манечка? Это Раиса Аркадьевна говорит. Посмотрите в газетку, где сегодня идёт «Зелёный характер»?

— Может быть, «Зелёная улица», Раиса Аркадьевна?

— При чём здесь улица, когда я хочу характер!..

— Так ведь характер он московский, Раиса Аркадьевна, а не зелёный.

— Вечно вы меня поправляете!.. (В голосе уже слёзы.) Вместо того чтобы взять и просто ответить... Соедините меня с Ивановым Максимовичем!..

Я соединяю и в отводную трубку слышу, как она жалуется на меня мужу и требует, чтобы он меня «приструнил». А я думаю: почему Раиса Аркадьевна сама не мо-

жет «посмотреть в газетку» и узнать, что идёт в театрах? Ведь это так просто!.. Но... такой уже у неё зелёный характер. Зачем затруднять себя, когда у мужа есть секретарша?

Проходит некоторое время — опять звонок:

— Манечка?.. Это Раиса Аркадьевна говорит. Вы не забыли, что мне к трём нужна машина?

— Машина ушла с утра, Раиса Аркадьевна, и будет только к концу дня.

— Как это «ушла»?.. Сама взяла и ушла? Куда ушла?

— По служебным делам. Иван Максимович распорядился.

— А вы почему не предупредили, что машина нужна мне? Ну-ка, дайте его!..

Я соединяю и опять беру отводную трубку.

— Иван, что это такое?! — скулит Раиса Аркадьевна. — Опять твоя Манечка отличилась. Я же предупреждала её, что у меня в три — гомеопат, а в четыре — массаж конечностей!..

Иван Максимович пытается оправдаться и сконфуженно басит:

— Раечка, ты пойми!.. Раечка, успокойся!..

Но Раиса Аркадьевна не желает ни понимать, ни успокаиваться:

— Сделай ей строгий выговор, слышишь?.. Если ты не сделаешь ей строгий выговор, я окончательно слягу. Ты пойми, что у меня вечером психическая гимнастика. Я должна быть абсолютно спокойной и целеустремлённой, меня нельзя нервировать!..

Иван Максимович зовёт меня и, пряча глаза, делает мне замечание. Я молчу, хотя у меня всё внутри клокочет.

В конце концов всё это надоело мне до крайности. В один прекрасный день я вошла в кабинет Ивана Максимовича и молча положила ему на стол заявление с просьбой меня уволить.

Он посмотрел на меня непонимающе и сказал:

— А в чём, собственно, дело, Манечка?

И тут я ему всё сказала: что он путает личное с общественным, сказала, что он, сам того не замечая, на каждом шагу унижает моё достоинство советского человека, сказала всё, что я думала про его Раису Аркадьевну.

Он поразился так, как если бы с ним вдруг заговорил стул или шкаф.

Густо покраснел и с трудом выдавил из себя:

— Зачем же так резко вопрос ставить, Манеч... Мария Петровна?.. Я вижу, нервы у вас... Я вам путёвочку устрою... Работник вы хороший, мне нет смысла вас отпускать. А отношения наладим. И Раечку я приструню, даю вам слово, Манеч... Мария Петровна!..

Меня тронули его слова, но я ответила ему так:

— Нет, Иван Максимович, нам с вами уже трудно будет по-новому наладить отношения. Мне надо уйти. Но вы за меня не беспокойтесь: я работу себе найду. А вот когда у вас появится новая секретарша, вы с ней с первого же дня наладьте правильные отношения. Это мой вам товарищеский совет на прощанье.

И ушла.

Скажите: права я или не права?

АГАФОН И З „КИРПРОМШАПКИ“

Вы незнакомы с Агафоном Петровичем Метелевым, председателем промышленной артели «Кирпромшапка»?

Говорят, приятнейший человек! Утверждают, обходительнейший и любезнейший человек!

В городе Кирове, весьма возможно, кроме этого Агафона Петровича, есть и другие Агафоны Петровичи. Но уж такого промыслово-артельного, как этот Агафон, не всюду сыщешь. И здесь, в Кирове, его весьма даже заметили и вполне достойно оценили.

Такой услужливый, такой, знаете ли, догошный и заботливый!

При встречах ли на улице или в учреждении, в беседах ли с председателями, заведующими и их секретарями, в телефонных ли переговорах Агафон Петрович всегда сочтёт своим обязательным долгом оказать им какую-либо услугу, проявить заботу, любезнейше предложить что-либо из изделий, вырабатываемых артелью:

— Шапочка у вас, извините, поизносилась. Разрешите вам шапочку поновее обустроить. Сколько стоит? Ах, стоит ли о таком пустячке говорить?.. Чай, не обедняет наша артель, ежели и за полцены возьмёте...

— Костюмчик вам по фасону можем пошить. Это она только по названию артель «Кирпромшапка», а для уважаемого человека у нас и свой портной и свой сапожник найдётся... Сколько будет стоить? Ах, стоит ли об этом?.. Не по твёрдой же цене обмундируем, а по мягкой... Свои ведь люди...

И т. д., и т. д.

Сие милое обхождение Агафона Петровича, по мнению обласканных людей, кое-что да стоило. И был он оценён как незаменимый и образцово-показательный председатель артели не только по Кирову, но и по всей Кировской области.

Правда, некоторые показатели у образцового председателя не совсем сходились по швам. Правда, как показали акты непростительной ревизии, путём приписки к плану руководящие работники артели получили 21 999 рублей премии за перевыполнение плана. А план «перевыполнялся» по завышенным показателям. А завышенные показатели отнюдь не сходились с производительностью труда, каковая снизилась до 65 процентов. Правда и то, что много различных материалов покупалось у частных лиц без счетов и надлежащего оформления документов, а приём заказов от некоторых особо уважаемых заказчиков производился без квитанций. Правда, что шерсть из отходов производства не учитывалась и продавалась на рынке, а деньги в кассу артели не поступали. И то и дело задерживалась выдача зарплаты рядовым членам артели, но зато содержался штат сверх установленного штатного расписания и щедрой рукой добрейшего Агафона Петровича премировались люди, даже и не работающие в артели...

По судебному определению, «доброта» Агафона Петровича Метелева должна была обеспечить для него двухлетнее тюремное отвлечение от его бурной артельной деятельности. Но...

По решению областного суда, отменившего приговор народного суда, вновь Агафон Петрович чист, и светел, и не запятан.

И вновь он возвращён в «Кирпромшапку», откуда был дотоле выдворен членами артели. И вновь он руководит недооценившим своего председателя коллективом, — правда, не в должности председателя, а временно довольствуясь званием заместителя председателя по производству.

И вновь те, кого Агафон закидывает шапками и пиджаками, восторженно о нём говорят:

— Приятнейший человек! Обходительнейший человек!

А. МИТНИЦКИЙ

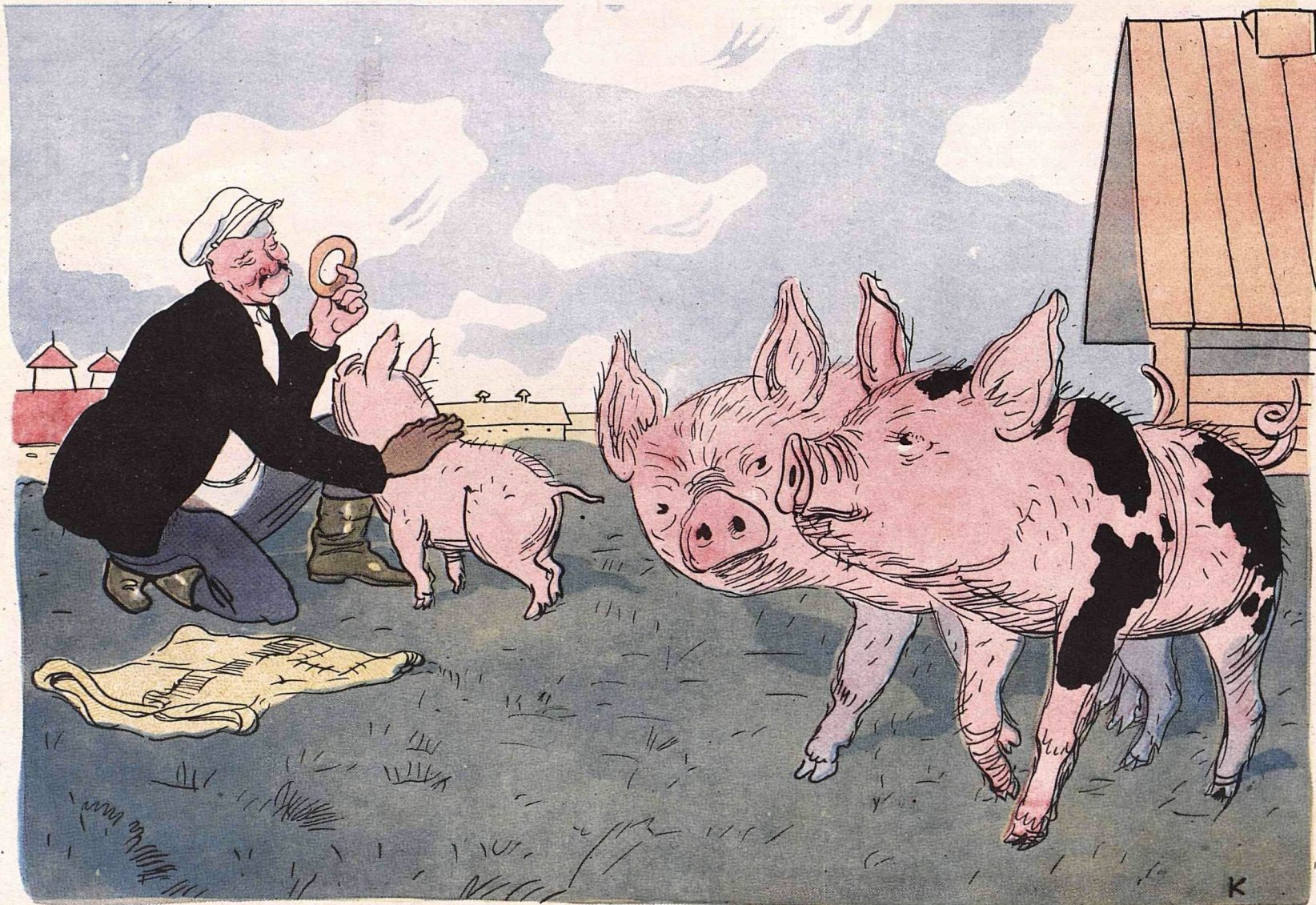

— К нам в колхоз опять кинопередвижка приехала!
— Что ты говоришь?! Как быстро год пролетел!..

С ЛЮБОВЬЮ НЕ ШУТЯТ

Рис. А. КАНЕВСКОГО

В некоторых колхозах непомерно много расходуется скота на так называемые внутрихозяйственные нужды.

— Смотри, как сильно любит председатель нашего брата!
— Да, особенно с гречневой кашей!

ЦЕННЫЕ КАДРЫ

К директору Владимирского горкоопторга Ключевскому вошёл один из его подвластных и, приняв позу человека, умеющего обходиться с начальством, доложил:

— Там пришёл гражданин Зайцев. Просит принять его на работу.

— А характеристика у него есть? — спросил Ключевский.

— Так точно! Исполнительный лист на 7 тысяч рублей в пользу артели «Ножметиз».

— Характеристика подходящая. Какому-нибудь растяпе такую характеристику не дадут. Назначить его заведующим магазином № 3.

Через три месяца Ключевскому доложили:

— Заведующий магазином № 3 Зайцев растратил 7074 рубля.

— Уже? Вот это здорово! Это я понимаю! — Ключевский даже привстал от удовольствия. — Сразу видно, что человек с опытом. Такого ценного человека и отпускать жаль. А отпускать надо. Пусть в другом месте подработает, а потом и с нами рассчитается.

— А может, его, того... под суд?

— Этого только и не доставало! — поморщился Ключевский. — Доброго человека позорить. Да и так сказать: разве суд успеет всех наших растратчиков пересудить? Никак ему этого дела не осилить. Подсчитай-ка, сколько у нас их за 1948 год.

— Растратчиков-то? Много. Если считать только тех, которые одним махом больше 500 рублей хапанули, так таких около сотни, а если считать и тех, которые меньше 500, то...

— Ну, этих чего считать? — махнул рукой Ключевский. — Эти — мелкая рыбёшка, малявки. Им надо учиться, чтобы в порядочные растратчики выйти... А это что за заявление?

— Это гражданка Грязнова просит принять её на работу.

— А кто она такая?

— Очень опытная: работая на орсе Граммофонного завода, 20 тысяч растратила.

— 20 тысяч? Ай да молодец! Да ей цены нет! Всех наших растратчиков перецегаляла! Нет, такого человека упускать нельзя. Немедленно оформить с допуском к материальным ценностям...

...Могут подумать, что всё это выдумка. Ничего подобного! Как нам пишет из Владимира Н. С. Глебов, за 1948 год в горкоопторге было 85 крупных растрат на сумму 212 тысяч рублей. 60 растратчиков или отпущены с миром или продолжают работать в горкоопторге и пользоваться покровительством Ключевского.

БУМАЖНЫЙ КОНВЕЙЕР

Началось с небольшого. Директор Лениногорского Дома пионеров (Восточно-Казахстанская область) тов. Калачёва написала отношение в Лениногорский полиметаллический комбинат с просьбой отпустить для Дома пионеров 3 килограмма сухой краски пяти цветов. Стоимость краски — 2 рубля 53 копейки за килограмм. Заместитель директора комбината тов. Мальков, ознакомившись с отношением, сейчас же написал на нём: «Техснаб. Отпустить» — и расписался. Так появились первая бумажка и первая подпись, имеющие отношение к этому делу. Дальше количество документов и подписей стало расти с неопределимой быстротой.

Начальник техснаба наложил резолюцию: «Оформить». Было оформлено 15 требований (по три на каждый цвет краски). Калачёва расписалась 15 раз. Затем 15 раз расписался начальник техснаба. Потом в бухгалтерии техснаба девушка-счетовод поставила стоимость каждого вида краски и также расписалась 15 раз. Её подпись 15 раз скрепил своей подписью бухгалтер техснаба. После этого был выписан счёт в трёх экземплярах, и вместе со всей кипой бумаг Калачёва переключала в плановый отдел. Здесь встретили её предупредительно и любезно. На кипе бумаг добавилась 41-я подпись...

Мы пропуская изложение того, как выписывались счета, поручения в Госбанк, отношения на разовый и материальный пропуск на склад, пропуска, доверенности, и прочее и прочее. Опустим всё это и подведём итоги. Всего было выписано 29 документов, учинено 172 подписи. Калачёва потеряла на оформлении документов два дня, а уборщица, получавшая краску на складе, — один день. Краска стоит 8 рублей 79 копеек. Обошлась же она Дому пионеров, если учесть зарплату заведующей и уборщицы, 54 рубля с копейками.

Работники комбината утверждают, что тов. Калачёвой даже повезло: что на оформление документов они обычно теряют четыре — пять дней. Что и говорить, дорого обходится комбинату этакий бумажный конвейер!

П. ПЕТРОВ

г. Лениногорск.

Рис. А. КОЗЮРЕНКО (Киев)

Сумское областное управление сельского хозяйства (заведующий — тов. Крившич) считает кукурузу второстепенной, не заслуживающей внимания культурой. Не вследствие ли этих консервативных настроений область из года в год не выполняет государственных планов посева кукурузы?

— Если нам удастся взять это укрепление, то есть надежда, что мы наконец пробьёмся в северные районы Украины!

ПО СВИДЕТЕЛЬСТВУ Свифта, император лиллипутов был ростом меньше обычного человеческого мизинца, что, однако, не мешало ему страдать манией величия. Указы его императорского величества имели обычно такое вступление:

«Гольбасто момарен эвлем гердайло шефин молен олли гой, могущественнейший император Лиллипутии, отрада и ужас вселенной, монарх над монархами, величайший из всех сынов человеческих, который своей стопой упирается в центр земли, а главою касается солнца, один взгляд которого приводит в трепет земных царей...»

У теперешнего испанского властелина, у Франко, столько же имён и чинов. Его декреты начинаются почти так же, как декреты крохотного императора лиллипутов:

«Его превосходительство Франсиско Паулино Эрменежильдо Теодуло Франко Баамонде, генералиссимо сухопутных, морских и воздушных вооружённых сил, каудильо (глава) фаланги, вождь государства, чей победоносный меч создал великую Испанию...» и т. д. и т. д.

Всё это очень длинно. А поэтому испанский народ присвоил Франко более короткое звание:

— Эль пекеньо.

Это означает «коротышка». Дело не только в том, что каудильо, испанский фюрер, мал ростом. Он коротышка, лиллипут в роли государственного деятеля.

Он повелитель не испанского народа: он повелитель фалянгистов, таких же лиллипутов, как и он сам.

Он всю жизнь старался хоть чем-нибудь походить на Гитлера и Муссолини. Он любил, когда его имя ставили рядом с ними. Недаром (совсем не даром) один из приближённых к Франко испанских писак сочинил панегирик «улыбке Франко».

«Эта улыбка, — писал он, — известна всему миру, как известен привлекательный взгляд Муссолини, как известен повелительный хмурый взгляд Гитлера».

От фюрера, дуче и повелителя лиллипутов каудильо унаследовал манию величия.

Фюрер истерически уверял, что он в самых близких отношениях с богом. Дуче утверждал, что и он помазанник божий: «Не верите? Спросите у папы римского». Император-лиллипут настаивал на том, что он близок к небесам и «главою касается солнца».

А Франко ещё в 1939 году издал декрет, в котором было сказано:

«Каудильо отвечает только перед богом и историей».

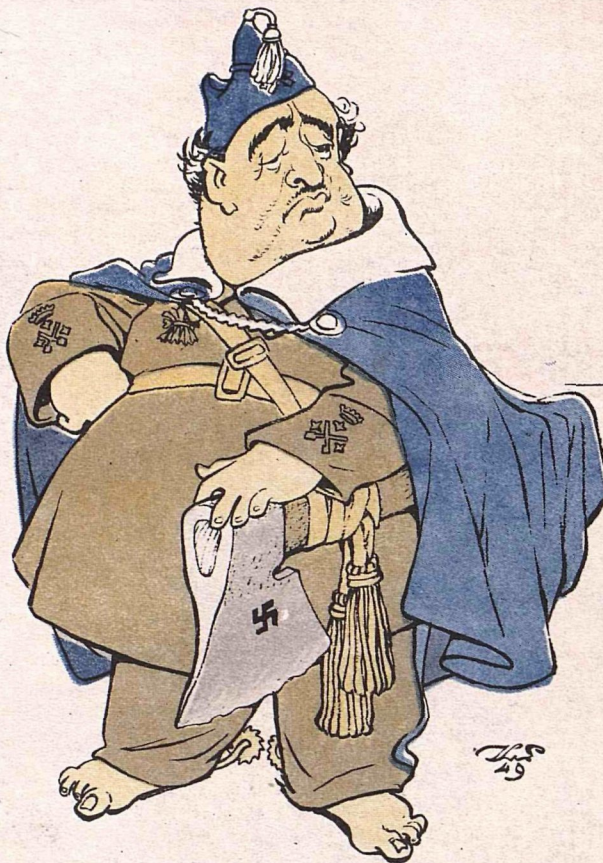
На днях этот эль пекеньо вновь и вновь на потеху людям продемонстрировал своё убожество, густо приправленное манией величия.

Это было на открытии сессии кортесов (что-то вроде парламента). Коротышка выступил с пространной речью, в которой он, ничуть не смущаясь, заявил, что благодаря его, Франко, стараниям «марксисты во всём мире отступают».

Потом он до того распалился, что, потрясая руками в воздухе, прокричал:

— Мы спасли Испанию и этим оказали услугу Европе. В Испании франкизм победил коммунизм...

Почти та же манера выразиться, как

у императора лиллипутов. По словам Франко, он «отрада фашистов и ужас марксистов, один взгляд его приводит в трепет всех коммунистов вселенной».

Большая часть речи испанского эль пекеньо была посвящена восхвалению собственной деятельности. В этом отношении Франко напоминает одну водевильную даму, не отличавшуюся красотой, но которая любила поговорить о своей якобы приятной наружности.

— Если сама себя не похвалишь, — говорила она, — то сидишь целый вечер, как оплыванная...

В заключение своей речи Франко обвинил «всех политических деятелей Европы» в преданности марксизму и рассыпался в комплиментах по адресу Америки, благославляя бога за то, что Уолл-стрит далёк от марксизма.

Бред? Нет, это не бред.

Франко после потери своих старых хозяев и покровителей ищет новых.

Жандарм и палач, он ищет себе работы. У него есть солидные рекомендации: он усмирлял марокканцев; он залил кровью горняцкие посёлки Астурии; он поднял мятеж против республиканцев и расстрелял миллион испанцев.

Расстрелял миллион испанцев и, по свидетельству его близких, «прибавил в весе свыше восьми кило».

Он думал найти для себя подходящую работу у фюрера и дуче. Но, увы, он их обоих потерял.

Осиротевший каудильо тотчас же кинулся к Черчиллю — о, он знает, к кому обращаться! Он предложил сделать Испании буферным государством между «русским коммунизмом и западной цивилизацией». Черчиллю в то время было не совсем удобно являться с Франко, тем более что предложение Франко получило широкую огласку.

Сейчас Франко изъявляет сильное желание примкнуть к Североатлантическому пакту, к любому антисоветскому блоку и союзу, к любой шайке поджигателей войны. Вот почему он делает верверансы Уолл-стриту, желая обменять

на доллары испанское пушечное мясо.

Тут замешаны не одни лишь доллары, но и авторитет Франко. Америка должна поднять его престиж. Он знает, что в Испании народ поёт песенку: «Фаланга — это бич для народа, народ — это бич для фаланги».

Недаром Хирон, министр труда, бывший «пистолеро» (гангстер), не раз громко заявлял в присутствии своих коллег:

— Этот режим летит к чертям, ребята! Пошировали — и хватит!

Недаром в народе всё усиленной говорят о спекуляциях и взяточничестве родных и близких Франко и о тайных торговых сделках самого каудильо.

Сейчас уже всем известно, что родственники Франко и его жены, включая и бывшего министра иностранных дел Суньера, брали взятки.

Всем известно, что госпожа Пилар, сестра каудильо, получила монопольное право продажи болтов военным заводам и правительственным арсеналам.

И, наконец, всем известно, что сам Франко составил себе значительное состояние тайным участием в разных торговых и промышленных предприятиях, например в крупной консервной фабрике, построенной в Галисии.

В Испании сейчас существует немало песенок и анекдотов, направленных против франкистского режима. Вот, к примеру, один из этих анекдотов:

«Когда Фердинанд III занял Севилью и умер, то, будучи святым, он избежал чистилища, и святой Иаков повёл его к богородице, которая тут же предложила ему попросить любые милости для дорогой его сердцу Испании. Монарх попросил масла, вина и хлеба — это было разрешено; солнечного неба, храбрых мужчин и красивых женщин — это было позволено; сигар, чеснока и быков — пожалуйста; хорошего правительства — вот тут последовал отказ».

Передавая этот старый испанский анекдот, рассказчик обычно шопотом добавляет:

— Таким образом мы и докатились до Франко...

Абель Пленн, прогрессивный американский журналист и учёный, живший во время войны в Мадриде, рассказывает о своей беседе с рабочим-испанцем:

— Он говорил о «них», то есть о Франко и его подручных, с такой спокойной, холодной злобой, с какой, впрочем, говорили о «них» везде в Испании, и, казалось, будто самый воздух пропитан этой ненавистью.

Вот почему Франко сейчас особенно нуждается в заокеанском дядюшке. Этот дядюшка должен из коротышки, из эль пекеньо, сделать великана.

Некоторые американские политики, газеты и телеграфные агентства уже пошли навстречу Франко. Например, Ассошиэтед пресс уже опубликовала беседу с каудильо, в которой он утверждал, что является демократом и стремится установить в Испании «подлинную демократию».

Одновременно Франко шлёт за океан свой горячий привет и такое же горячее предложение своих услуг:

«Вам нужен ещё один поджигатель войны? Я готов!»

Г. РЫКЛИН

— Не понимаю, Том, почему, если арестуют шпиона в Праге или Софии, поднимают дипломатический крик в Вашингтоне?
 — По-моему, по той же причине, по какой козёл начинает кричать спереди, если его дёрнуть за хвост сзади.

Карл ШНОГ

«ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ» ПЕРСОНАЛ СОЮЗНИКОВ

(К АРЕСТУ МАКСА РЕЙМАНА)

Председатель коммунистической партии Западной Германии Макс Рейман, обвинивший Шумахера, Аденауэра и других буржуазных лидеров в предательстве национальных интересов, подвергался судебным преследованиям и на днях арестован английской военной администрацией, согласно постановлению, запрещающему наносить оскорбления шофёрам, поварам, официантам и другим лицам немецкой национальности, состоящим на вспомогательной службе у англо-американских оккупационных властей.

Лакеев теперь охраняют законы...
 Мудрейшие судьи из западной зоны
 Нам ясно сказали, без всяких затей,
 Что так оскорблённые нами бедняги —
 Не лидеры партий в немецком ландтаге,

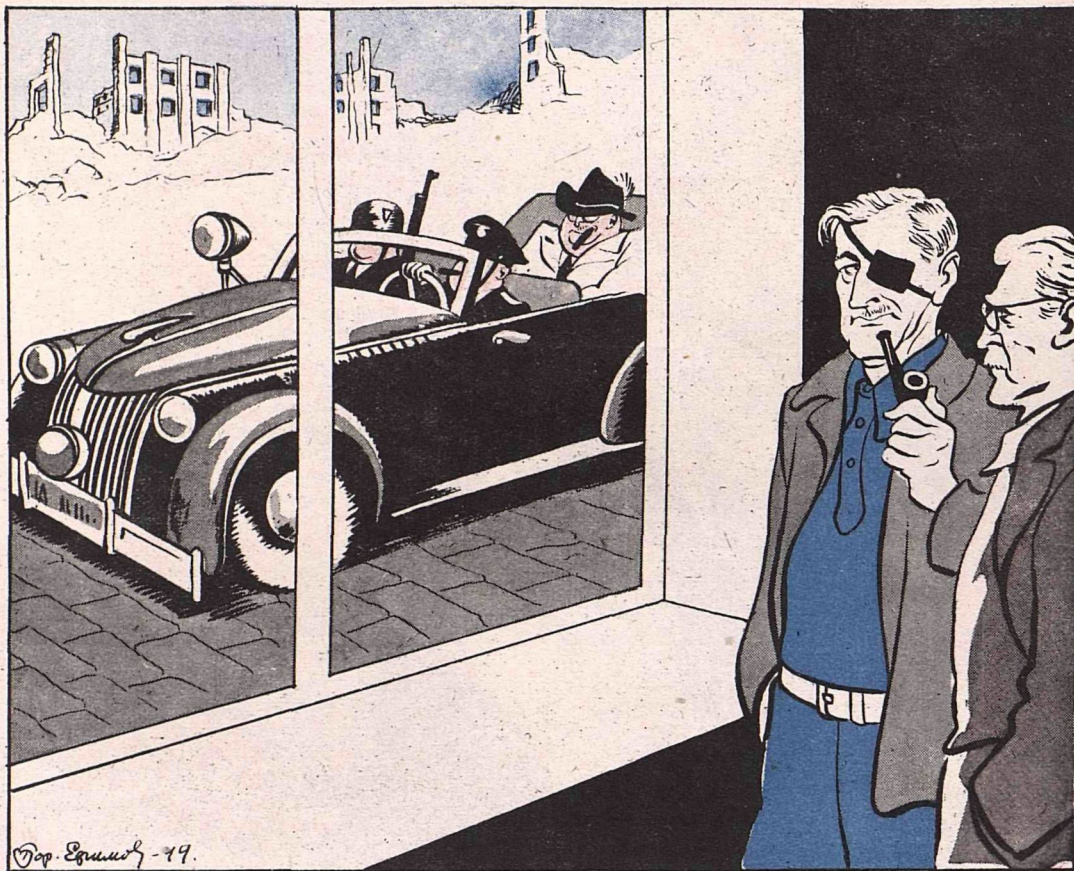
А просто лакеи союзных властей.
 Такие же слуги, как прачка и повар,
 Как кельнер при скромной солдатской
 столовой,
 Захочешь — найми их, захочешь — уволь.
 С них спрос невелик. Не поймите
 превратно!..
 И стала до тонкостей людям понятна
 Тех низких лакеев презренная роль.
 С улыбкой угодливой лезут из кожи,
 Толкуют они в комендантской прихожей.
 Их выгонишь в двери — войдут со двора.
 У кельнеров тех не пустые подносы:
 «Извольте — с фашистской приправой
 доносы!
 Сварили отличную ложь повара!»

Измену прикрыв громогласною фразой,
 Бесстыдно клеветают они по заказу.
 Любое предательство им по плечу.
 Торгует отчищенной продажная скверна,
 Готова служить беззаветно и верно
 Любому, кто скажет: «Я больше плачу!»
 Мудрейшие судьи! Своим приговором
 Вы собственных слуг заклеили позором:
 Кто раньше не ведал — сегодня узнал,
 Что квислинг Шумахер, «толпой»
 оскорблённый, —
 Не вождь, не трибун, не большая персона,
 А вспомогательный лишь персонал!

Перевёл с немецкого
 Лев ГИНЗБУРГ

СУВЕРЕННЫЙ ПЕТУХ

Рис. Бор. ЕФИМОВА

Бор. Ефимов - 79.

— В чём дело, Курт? Почему вы стали одноглазым?
 — Я имел неосторожность напомнить господину полицейскому президенту о его службе у Гитлера. А по нынешним порядкам, кто старое помянет, тому глаз вон!

Лиса склоняла Петуха
 Под вечер как-то...
 К чему б, вы думали? Чего таить греха!
 Склоняла к подписанию пакта:

— Ах, Петушок, со мною ты побудь!
 Шакалы стонут, волки все в тревоге:
 Опасности повсюду на дороге —
 Ну так и жди беды какой-нибудь!
 Намедни я сама слышала, право,
 Что жадный кролик заглота удава.
 Да это что! Шакалы мне клялись,
 Что утки стали кушать лис!
 И вот решили мы в ответ на это
 В поступках проявлять

и выдержку и такт:
 Не тронем твоего мы суверенитета,
 Лишь подпиши Удаво-волчий пакт.
 Вот договор,

для подписи тут место,
 А здесь поставим мы змеиную печать...
 Так ты уж, Петушок,

слети с насеста
 И, чтоб удобнее писать,
 Ко мне на мордочку присядь.

Услышав про подобные напасти,
 Дрожа, бумагу подписал Петух,
 Потом, из лисьей высунувшись пасти,
 Хотел было промолвить что-то вслух,
 Расправил грудь, но —

тут я буду точен —
 Он речь не произнёс в ответ,
 Не потому, что был взволнован,
 нет!

А потому, что просто был...
 проглочен.

Ужель не видно с Эйфелевой башни,
 К чему приводят с хищниками шашни?!

ДЕМОКРАТИЯ В НАТУРАЛЬНОМ ВИДЕ

АМЕРИКАНСКИЕ колонизаторы на оккупированных США территориях внедряют демократию, ту особенную, «западную демократию», о которой так любят потолковать государственные мужи в Вашингтоне.

В промежутках между военными парадами и спекуляцией на чёрном рынке американская военщина действительно показывает образчики этой особенной демократии.

На развалинах западногерманских городов, в круговороте огней «ночных клубов», процветает дикий дебош и разврат. В Японии здоровенные американские колонизаторы, раскуривая сигаретки, гоняют по раскалённому асфальту улиц взмыленных рикш. Всюду, куда ступает нога американских экспансионистов, называющих себя носителями демократии, царит отвратительная атмосфера купли-продажи, издевательства над населением, мордобоя и насилия.

Чаша сия не миновала и Западной Австрии. С июля по октябрь прошлого года в Вене было официально зарегистрировано около трёхсот грабежей, краж и хулиганских выходов американских солдат и офицеров. Австрийская печать пестрит сообщениями о том, что буквально не проходит дня без пьяных дебошей и бандитских выходов американской военщины.

Не так давно американские солдаты избili австрийских железнодорожников в Глазенбахе. 17 апреля в Вельсе пятеро американских солдат напали на шофёра такси, переломали ему ноги и расшибли голову. 26 апреля служба печати австрийской социалистической партии с прискорбием поведала о том, что в Зальцбурге был избит американским солдатом бывший депутат ландтага Гейнц Краупнер.

Уроки, преподанные американскими оккупантами, усваиваются французскими поклонниками «западной демократии». И если американские оккупанты могут избить бывшего парламентария, то почему французским оккупантам нельзя поломать рёбра нынешнему парламентарю?

Депутат австрийского ландтага Цехтель ехал в поезде. Французский военнослужащий, войдя в вагон, приказал Цехтелю освободить для него место. Тот попробовал возражать, показал парламентское удостоверение. Француз вместе с подоспевшим товарищем без дальнейших церемоний принялся нещадно избивать австрийского депутата. «Они схватили Цехтеля за горло, — сокрущённо повествует австрийское министерство внутренних дел в своём коммюнике, — повалили на пол и били ногами по лицу и животу. После этого на Цехтеля надели наручники. Когда Цехтель стал кричать от сильной боли, ему обернули голову лиджаком. Затем его вытащили на площадку и бросили у выхода». Ничего не скажешь: французские вояки действовали по всем правилам высокоразвитой американской гангстерской науки!

Некий американский журналист писал как-то в журнале «Плен ток» по поводу американских оккупационных войск, что они представляют собою «величайшую в истории выставку», ибо они носят «свой костюм — демократию, — являясь такими, какими они есть».

Говоря словами Козьмы Пруткива, этот журналист «смотрел в корень». Поведение американских и французских войск в Австрии — это действительно «выставка» западной демократии в её натуральном виде.

В. МАЕВСКИЙ

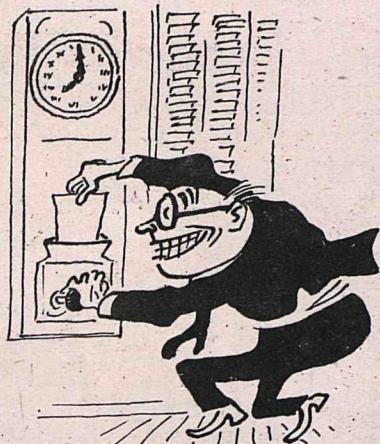
МИСТЕР СМИТ ПРЕУСПЕВАЕТ...

Рисунок американского прогрессивного художника В. ГРОППЕРА, сделанный для Крокодила.

Перед вами мистер Смит, герой нашей маленькой трагикомедии. Не подумайте, что он знаменитый бегун и художник Вильям Гроппер запечатлел на этом рисунке его очередную спортивную победу.

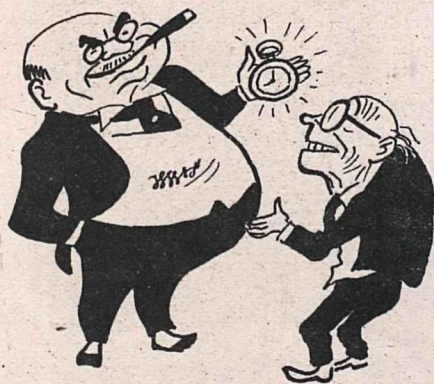
Мистер Смит служит клерком в одной ньюйоркской конторе. Он типичный «средний американец», а это прежде всего значит, что он не теряет надежды добиться успеха в жизни и стать миллионером. Пока же будущий миллионер мчит сломя голову на службу в свой «оффис», смертельно боясь опоздать.

Ух, слава богу, добежал! Минута в минуту!.. Дело обошлось без штрафа за опоздание. Мистер Смит не любит платить штрафы и слышал, что профсоюзы борются с волчьей штрафной политикой предпринимателей, но он, Смит, — индивидуалист и аристократ духа. Профсоюзы — это не для него!..

И вот наш «аристократ духа» с утра до вечера строчит пером, сочиняя деловые бумаги. В бумагах речь идёт о миллионах, и музыка величественных цифр ласкает ухо Смита. Но, увы, эти миллионы чужие!..

Наконец приходит успех! Его вызывает к себе сам «босс» и ласково вручает ему часы — премию за тридцатипятилетнюю безупречную работу в конторе.

— Вы преданный работяга, Смит! — говорит хозяин. — Мы ценим таких, как вы. Даю вам однодневный отпуск, вы его заслужили. Погуляйте, отдохните. Но послезавтра приходите в контору вовремя, точно по вашим новым часам, хе-хе!

С хозяйским подарком в потном кулаке мистер Смит спешит домой, к своей семье. Душа его ликует. Чорт подери, всё идёт отлично! Может быть, ему дадут повышение? А там, глядишь, он станет акционером? Не будет же «босс» ни с того ни с сего дарить простому клерку хронометр!.. Тут что-то есть!..

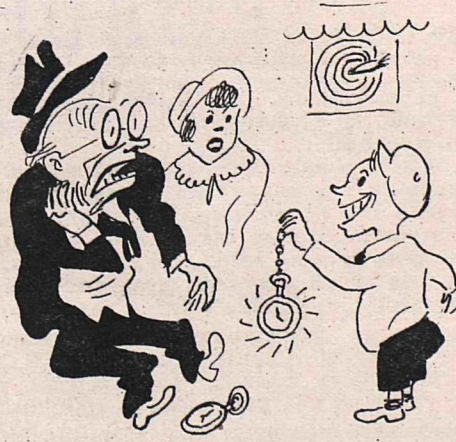
Надо хорошо провести свой заслуженный однодневный отпуск. Мистер Смит с женой и сынишкой идёт в Конн-Айленд — подивиться на аттракционы, людей посмотреть и себя показать.

Отличное настроение не покидает Смита. Он благодушен, весел и даже щедр. Он даёт сыну 10 центов: — Иди, постреляй, маленький пират! Попытай и ты своё счастье!..

Смит-младший ловко метнул стрелу. Она попала в самый центр мишени. За это полагается премия.

— Папа, посмотри-ка, что мне дали! — говорит Смит-младший, сияя от неожиданно привалившего счастья. — Не хуже твоих!..

В руке у него прошовый хронометр, точно такой же, каким щедрый «босс» отметил тридцатипятилетнее пребывание Смита-старшего на тихой конторской наторге.

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ОДНОГО КАДРОВИКА

Рис. М. ЧЕРЕМНЫХ

Кое-где недооценивают роли и способностей женщин и тормозят выдвижение их на руководящую работу.

— Вы говорите, что Анна Ивановна — очень способный работник... Прекрасно освоила дело... Хороший организатор... Отлично! Назначим её заместителем к этому недотёпе-директору!

ВОЛШЕБНИЦА ИЗ АФИН

УЖЕ первые слова Елены Ивановны произвели неотразимое действие на Касьяненко, директора Европейской гостиницы в Ленинграде.

— Я окончила академию дерматологии и косметики в Афинах. Практиковала в клиниках Нью-Йорка, Вашингтона, Бергена, Вены. Лечила там политических деятелей. Имена их не упоминаю из скромности. Владею секретом обновления кожи и выращивания волос на пустом месте. Предлагаю вам свои услуги. Вы оборудуете под своей вывеской врачебно-косметический кабинет, а я вложу свой опыт. Деньги будем делить по согласию...

Предложение соблазнило впечатлительного директора. Свой кабинет красоты! Афины, Нью-Йорк!.. Какая слава пойдёт по всей стране, если кто-либо из клиентов, приехав в гостиницу лысым, уедет из неё кудрявым блондином...

Скоростными методами переоборудовали помещение бывшей уборной под храм вечной молодости и красоты. Повисли тяжёлые портьеры, вспыхнули лампы дневного света, заискрились стекло и никель лечебной аппаратуры.

Дирекция гостиницы обратилась в горздравотдел с просьбой утвердить Елену Ивановну врачом-дерматологом. Заместитель начальника сектора кадров горздравотдела тов. Гвоздилов долго и глубокомысленно изучал представленный ему диплом афинской академии. Диплом был написан на норвежском языке. Начальник сектора кадров сделал вид, что норвежский язык ему

знаком с детства. Он благословил обладательницу внушительного диплома на борьбу с лысиной.

Трижды в день рекламные сообщения по радио извещали ленинградцев о новом достижении врачебно-косметической техники.

Приплёлся в кабинет старичок, у которого было много свободного времени и мало волос. Прибежала чья-то иждивенка, успешная за последний год перекрасить свою причёску во все цвета радуги и теперь мечтавшая окончательно выкорчевать остатки своих бровей.

За дверь с табличкой «Кабинет врача» Елена Ивановна принимала посетителей. Она щебетала:

— Все медикаменты у меня заграничные — помесь пенициллина с нитроглицерином. Советскими лекарствами не пользуюсь. Вот эту африканскую мазь я вчера получила из Буэнос-Айреса. Маленькая баночка стоит пять тысяч. На чистом витамине «ша». Мазь делает вашу кожу нежной и прозрачной, как голубиное яйцо... Кстати, могу предложить импортную пудру из тёртого миндаля и кокосового ореха. Придаёт лицу выражение испуганной лани. Маленькая коробочка — триста, побольше — семьсот...

Поклонницы Елены Ивановны передавали потрясающие новости:

— Волшебница! Творит чудеса. Один старикашка вчера был лысым, как тумба; сегодня не может расчесать пробор, — гребёнки ломаются.

Хижина дяди Сэма.

Сами «больные» молчали. Закончив курс лечения, они узнавали у Елены Ивановны, что волосы начнут расти через год. После этого они тихо уходили. Им было стыдно. Они ругали себя, один-на-один.

Первой заговорила гражданка М. Она хотела с помощью волшебницы приостановить выпадение волос. Уплатила триста рублей. Каждый день пять — шесть часов сидела в процедурной. После очередного втирания африканской мази закричала от боли. Появились пузыри. В поликлинике установили ожог второй степени, вызванный неизвестным снадобьем. Гражданка М. вызвала Елену Ивановну на серьёзный разговор.

— Курс лечения подходит к концу, а кроме волдырей на голове у меня ничего не прибавилось. Волосы лезут ещё больше, чем раньше...

— Верно, голубушка, — вздохнула Елена Ивановна. — Ваша голова — тяжёлый случай. Её нужно лечить два года. Платите в кассу и дайте расписку, что никаких претензий ко мне иметь не будете.

Гражданка М. закричала от возмущения. Её крик подхватили и другие клиентки Елены Ивановны, истратившие в кабинете красоты тысячи рублей и получившие сильные ожоги и стойкие пятна. Возникло недоверие и к пудре...

Несложная экспертиза установила, что «тёртый миндаль» добывается из обычной детской присыпки.

Крик перешёл в вопль. Он достиг горздраотдела. Создали комиссию. Расшифровали диплом «афинской академии». Он оказался простой справкой о том, что Хелью Гансовна Тараксмаа вышла замуж и может носить имя своего мужа.

Разговор комиссии с Еленой Ивановной был похож на беседу с марсианином. Елена Ивановна ничего не понимала. Почему в

Нью-Йорке и Вашингтоне каждый может дурачить кого хочет, а в Ленинграде нельзя?

Товарищи из горздраотдела проявили чуткость. Они оставили Елену Ивановну в кабинете, обзав её работать под руководством настоящего врача. Но Елена Ивановна не пожелала работать под руководством врачей. Она капризничала. И всё ещё долго оставалось по-старому. Клиенты сидели в процедурной, стараясь не глядеть друг на друга. Волшебница смазывала им головы «африканской» мазью и нащёптывала арапские сказки. Заместитель директора гостиницы Шанихин ходил мрачный. Только с нами он по секрету поделился своими планами:

— Прикроем эту лавочку. Нечистое дело. Лучше фотоателье оборудуем. Там по крайней мере, если изуродуешь кого, пересянуть можно. Ещё с месяц подержим, чтобы шума не было, и тихо прикроем.

Так и случилось. Кабинет красоты закончил своё бесславное существование. Прикрыли его действительно тихо, под благовидным предлогом, но шума всё же избежать не удаётся.

В вестибюле гостиницы то и дело раздаются громкие возгласы: «Деньги назад!» Это высказываются бывшие клиенты. Они вчиняют иск за обман и вымогательство, но не находят виновных. Дирекция гостиницы кивает на учёных мужей из горздраотдела. А знатоки норвежского языка из горздраотдела делают вид, что не понимают простых русских слов. Сама же Хелью Гансовна отпущена с миром и тщательно замела следы. Ей не впервые отступать на заранее подготовленные позиции.

Говорят, что она нацелилась на Москву.

М. ЛАНСКОЙ

Ленинград.

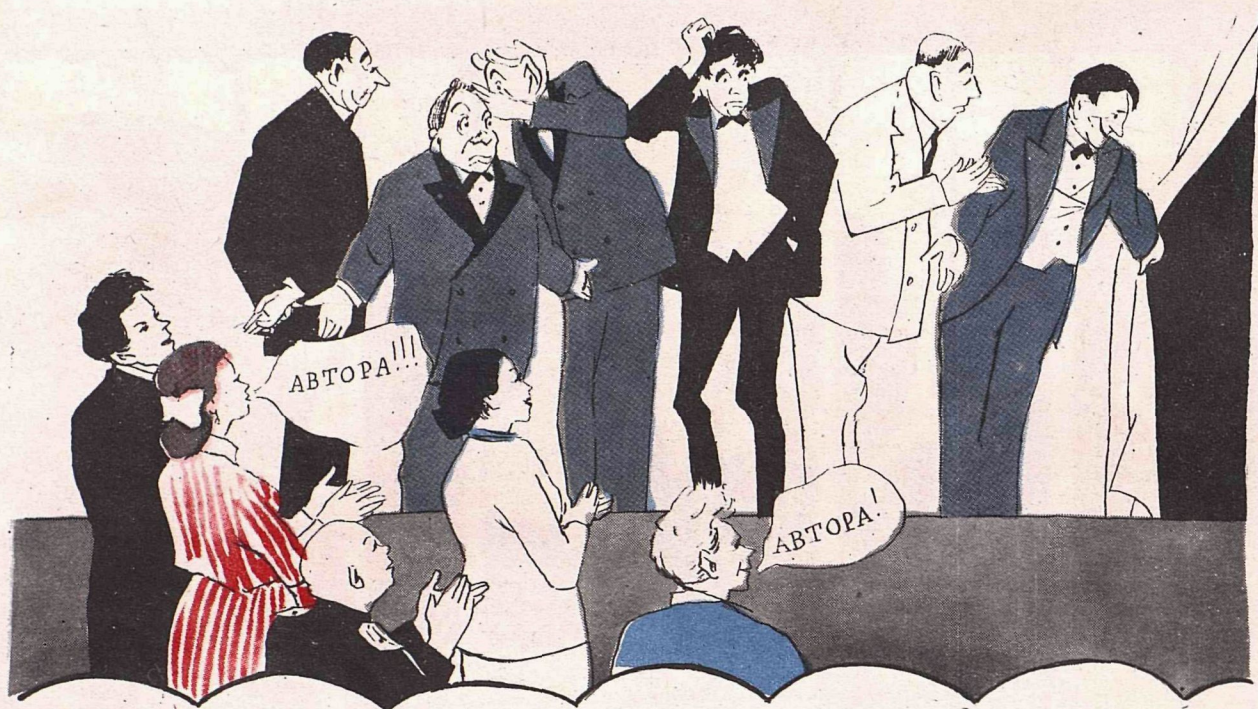

Иллюстрация В. ГОРЯЕВА

АВТОРА НЕ ХВАТА...

КОНЦЕРТНЫЙ зал оживлён. Взрыв хохота сменяется шумными аплодисментами: на сцене конферансье Миров и Дарский. Миров сегодня в поэтическом настроении, он обязательно хочет читать свои стихи. Почему нет? Ведь Миров занимает «почти первое место» в коллективе из двух человек.

— «Вечерний звон». Поэма Льва Мирова, — торжественно объявляет Миров. — Посвящается выступлениям некоторых делегатов на заседаниях ООН — организации Объединённых наций:

«Вечерний звон. Вечерний звон.
Как много дум наводит ООН».

— Всё? — деловито спрашивает Дарский. — Ну, что ж, неплохо.

Миров доволен. Хотя это стихи поэта Козлова, но второе «о», в слове «он» Миров сочинил сам. Что касается нарушения размера, то здесь товарищ Дарский нашупал слабое место в творческом процессе Мирова. У него широкие замыслы, они не вмещаются в узкие рамки размера. Они жмут его, как тесная обувь. О себе как о поэте Миров говорит:

«Я вперёд бросаюсь смело,
Налетаю сгоряча,
Но размер мне портит дело,
ничего не получа...»

Миров читает ещё несколько четверостиший. Ясно, слова не укладываются в размер стиха. Вот почему Дарский завершает неудачное поэтическое выступление Льва Борисовича экспромтом:

«Вы поймите, друг мой милый,
Ведь задача не проста:
Вам размера бы хватало,
Вам таланта не хватало...»

С достоинством раскланиваясь, Миров и Дарский ждали, когда стихнут аплодисменты...

— Товарищи артисты! — раздался из зала отчётливый голос. — Очень остроумно и насчёт ООН и насчёт слабеньких поэтов.

— А как же! — оживился Миров. — Работаем, стараемся. Растём над собой.

— Однако будем продолжать концерт, — корректно перебил партнёра Дарский.

— Один только вопрос, — не унимался зритель. — Я часто слушаю вас. Мне инте-

ресно: кто сочиняет все эти остроумные интермедии?

Неловая пауза.

— Аа... ага! Вам, так сказать, это самое... — выходил из неприятного положения Миров. — Ну да, я понимаю... Эээ... нет (погрозил зрителю пальцем)! Вы тут в наши внутренние дела лезете.

— Какие же это внутренние дела? Вы артисты, я зритель. Я требую: сообщите, кто автор.

— Автора! Автора! — поддержали другие зрители.

— Кончайте ваш разговор с публикой, Миров! — сухо сказал Дарский.

— А что ж? Разве мы... да, честное слово! Ну, пожалуйста: это нашисал, кажется, этот, как его... Давайте, Дарский, говорите вы.

Миров быстро вышел, оставив своего партнёра со зрительями.

Что это, вымысел?

Нет, домysel. Такие неожиданные финалы могут разыграться на любом из выступлений и Утёсова, и Райкина, и Гаркави, и Шурова, и Рыкунина, и других артистов. Известные мастера эстрады часто проявляют изумительное мастерство оставлять в неизвестности автора конферанса.

Очень редко, почти никогда, зритель не слышит из уст исполнителей имена авторов конферанса — писателей Бориса Ласкина, Массы и Червинского, Владимира Полякова и многих других. Между тем это их интермедии, сценки, монологи заставляют зрителя улыбнуться, рассмеяться, призадуматься.

Быть может, среди некоторых авторов всё ещё бытует пренебрежительное отношение к эстраде, и они сами скрывают свои имена?

Неправда! Писатели с уважением относятся к этому массовому жанру искусства и готовы служить ему своим острым пером.

Быть может, у талантливых исполнителей обычной тактичности «не хватало» по отношению к авторам?

Отчасти да. Но только отчасти.

Дело в том, что всё лучшее, что создается для эстрады в жанре сатиры и юмора, забирает небольшая группа артистов, пользуясь неведомо как присвоенными правами монополистов на исполнение того или иного номера. С выходом их на эстраду

наступает как бы смерть имён авторов произведений, а самые произведения получают строгую и длительную изоляцию в репертуаре небольшой группы исполнителей. Словно тюремщики, выводят они их на короткие прогулки, главным образом по столичным эстрадам.

В фельетоне Триваса «О любви не всё сказано» зло высмеиваются творения знаменосцев вырождающейся буржуазной литературы. Цитируя стихи Элиота: «Мы полые люди, трухой набитые люди, наш череп соломой набит», — автор восклицает: «Каким же надо быть Элиотом, чтобы докатиться до таких стихов!» Право, не только Гаркави сможет хорошо донести эту остроумную до зрителя.

Мы слышали, как один авторитетный товарищ из Союза писателей сказал по поводу фельетонов Владимира Полякова: «Это настоящая литература». Так почему же эта настоящая литература помещается в кармане Аркадия Райкина, который к тому же иногда прямо выдаёт её за своё творчество? (В руках блокнот с карандашом. На лице процесс мышления. Реплики: «Вот это тема! Она меня волнует, и об этом я буду говорить в моём фельетоне». И ни звука об авторе.)

И если трудно узнать имя автора, то ещё труднее получить его произведение. Попытки сделать столичный репертуар достоянием всех исполнителей, как московской, так и периферийной эстрады, не приводили к успеху.

Злободневный фельетон, содержательный монолог, остроумная интермедия, злая эпиграмма должны найти широкий выход в свет, чтобы любой артист, любой участник художественной самодеятельности мог нести разящее слово советской сатиры в массы. И не пора ли издательству «Искусство», а также и Отделу распространения наладить выпуск таких злободневных эстрадных сборников, которыми могли бы пользоваться все коллективы эстрадников, а не одиночки-монополисты. Это поможет росту и выдвижению новых мастеров эстрады, монополисты будут больше трудиться над выдумкой. А у Льва Мирова будет больше оснований убеждать публику:

— Работаем, стараемся. Растём над собой...

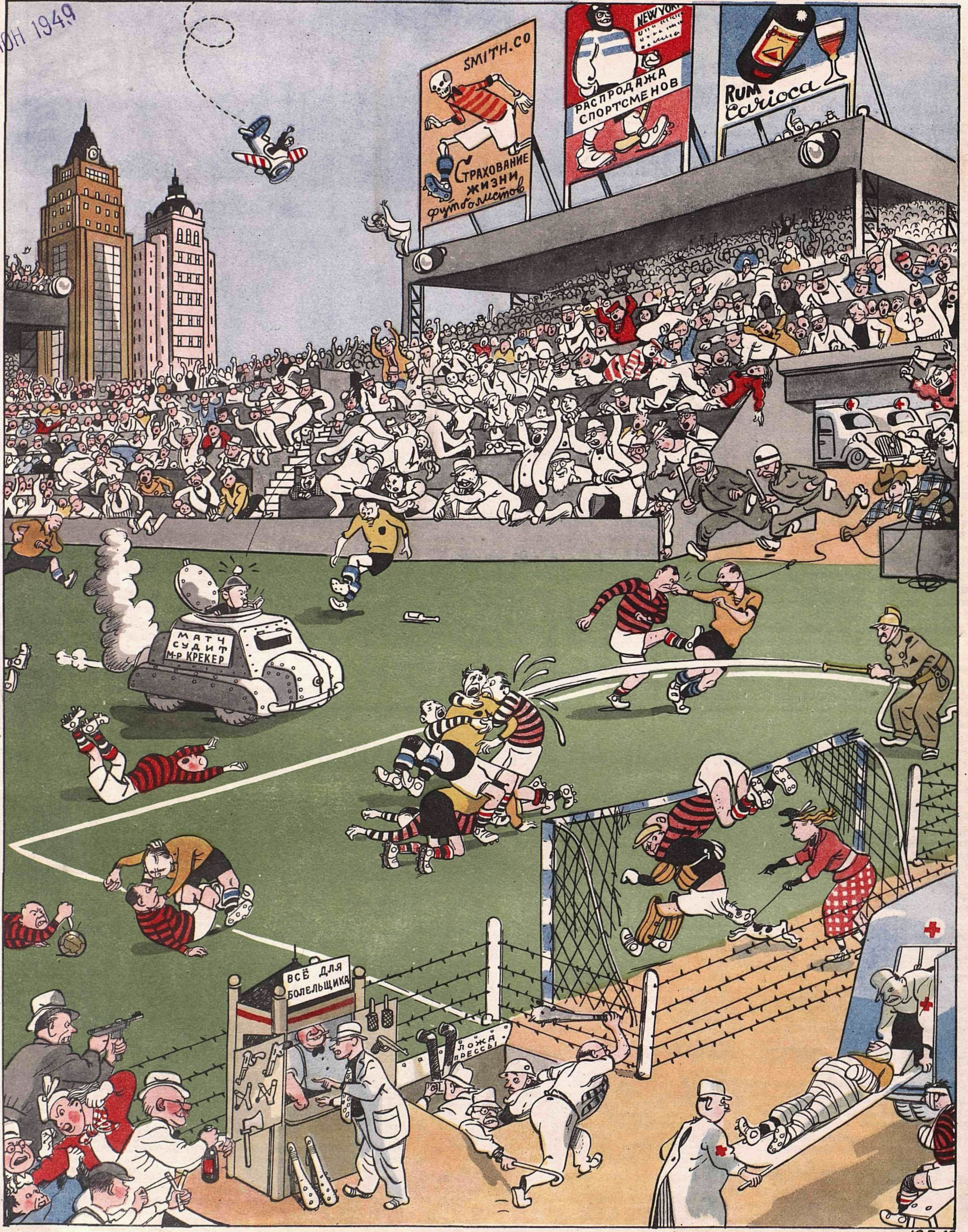
Василий КРУГЛОВ

39

6197Ж

Рис. Ю. ГАНФА

14 ИЮН 1949

Дружеская встреча футбольных команд: «Тигров Аризоны» с «Зубодробителями Калифорнии».

Ю П 49